

Было тихо. Каштаны цветами сорили.
Я не помню, о чем мы с тобой говорили:
о тоске ль залетейской, о печали житейской,
об обилии меда в стране Иудейской,
иль о том, что каштан, как большой иероглиф,
проступает вдали на сырой акварели...

Пан — языческий бог — был рогат и уродлив,
он преследовал нимф и играл на свирели.
Он родился в Аркадии. Нимфа Дриопа
испугалась, увидев косматого сына.
А ещё говорят, что его Пенелопа
родила. В это время дрожала осина:

были листья объаты паническим страхом,
потому что мерещился людям и птахам,
насекомым и рыбам, освоившим сушу,
Пан — полуденный бес, искушающий душу —

Так и наши желанья и прихоти тела
нам страшны после смерти Великого Пана.
Помнишь, солнце садилось и иволга пела,
и в ладони небесная сыпалась манна?

Скажешь слово на грани смертельного риска:
«Облака — словно Третьего Рима руины» —
и увидишь, как пыльный скелет тамариска
там, в пустыне Синайской, трясут бедуины.

Ты увидишь привычную рану заката
и услышишь, как чёрная воеет собака,
потому что на небо выходит Геката,
трёхголовая ведьма охоты и мрака.

Нас пугая виденьями, страшными снами,
изошрённым набором мучений и пыток,
для возлюбленных бывших, покинутых нами,
вновь Геката готовит любовный напиток.

Так когда-то Медея добилась Язона,
но её привело волшебство и коварство
не в Коринф, не в Колхиду, не в штат Аризона;
а к слепому Аиду, в подземное царство.

Как земля под ногами черна и упруга!
С тихим шелестом падают листья на кровлю.
Мы сидим на траве, не касаясь друг друга,
говорим про охоту и рыбную ловлю.

Всё у нас хорошо: есть еда и одежда,
и детьми нас с тобою Господь не обидел:
спят, как ангелы, Вера, Любовь и Надежда,
так закрой же глаза, чтоб никто не увидел,

как беспомощно льются горячие слёзы,
потому что небес молчаливы угрозы,
и покуда живём мы и воздухом дышим,
мы не помним, не знаем, не видим, не слышим...

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Виноватых нет и правых.
Бог, прости свою рабу!
По поверьям скандинавов,
жизнь спасается в гробу.

Ливнем мир исполосован,
вместе спят холоп и пан,
и холопом нарисован
конь в пещере Монтеспан.

Мелет, мелет, мелет мельник
свою мелкую муку,
и кукушка, в можжевельник
сев, поёт свое ку-ку.

Никого-то ей не жалко,
тяжела её рука,
только высунет русалка
влажный кончик языка,

только громче и нелепей
ворон в чаще запоеет,
только древний грек Асклепий
в виде змея проплывет

в распрекрасную Италию,
где холера и чума
юных дев берут за талию
и ведут в свои дома,

а дома у них сосновые,
окна в травах и цветах,
и сидят две птицы новые
на тесовых воротах.

2

Боже правых и виновных,
накажи свою рабу!
Бергильмир со стадом овнов
укрывается в гробу

от кровавого потопа
и от гибели, пока
по волнам плывет Европа
на большой спине быка.

День и ночь, как две гадалки.
Где любовь моя? Нигде.
Нереиды и русалки
бьют хвостами по воде,

и с небес России манной
сыплет, сыплет мелкий снег,
и плывет во мгле туманной
гроб, похожий на ковчег.

Звёзды тлеют, овцы блеют,
цепью звякает Памир,
души памятью болеют,
спит могучий Бергильмир.

Небо сеет снега споры,
лес подобен бороде.
Рыбы в море роют норы,
дыры делают в воде.

Можно к смерти прикасаться,
рвать с лица её быльё.
Но зачем тогда спасаться
Бергильмиру от неё?

Щебечут птицы в облаках то на латыни, то на греческом,
и речь на разных языках в богатом городе купеческом
напоминает птичий гам, и с легким шелестом уносится
всё к тем же белым облакам людской молвы разноголосица.

Где некогда могучий вяз ветвями шевелил поникшими,
там брошены обрывки фраз снующими, как рыбы, рикшами,
тугой мощной трясёт купец, гремит цыганка кастаньетами,
и в сети пойманный скупец звенит фальшивыми монетами.

Ну что ещё тебе сказать? Ко мне цыган хотел посвататься,
я научилась ускользать и в тёмных подворотнях прятаться.
А там усеяна, мой друг, земля банановыми шкурками
и раздаётся птичий звук войны воздушной греков с турками.

Их бой пьянит, как дикий мед. Я вспоминаю миф об Одине, —
Валхаллы скандинавский лёд — здесь, на моей погибшей родине
китовый ус, китайский рис, базар, поющий и щебечущий,
и тёмно-жёлтый Танаис, на берег рыбы шубы мечущий.

А птицы движутся на юг разноязыким человечеством —
и нет ни памяти, ни мук, и нет вины перед отечеством,
и нет ни дома позади, ни кладбища, ни поля бранного,
а только плач и боль в груди от звука низкого, гортанного...

1

Пора закончить волхвование,
стать человеком и травой,
увидеть юношей снованье
по потрясённой мостовой,

людей, бегущих на работу,
в кино, на дачу, в гастроном
во вторник, в среду и в субботу
и там — во времени ином.

Сова — мудра, змея — двулика,
иголка тонкая остра.
Какая нежная улика
в тебе скрывается, сестра?

— Зародыш крохотный в утробе,
грядущий царь семи кровей,
(кому — во тьме, кому — во гробе,
кому — верёвочкой завей

свое малиновое горе) —
является и держит крест
в своих руках, и видит море —
огромных волн народный съезд.

Всё, что нас ждёт, не за горами —
уже увиден путь домой.
Бог наделяет нас дарами —
пространством, временем, сумой.

И кони ночи, встретив стайку
случайных птиц в краю цикад,
свою крылатую хозяйку
в сухие небеса влекут.

2

Пора закончить волхвованье —
мой друг, легка твоя рука!
Увидеть легкое снованье
на ткацком стане челнока.

Людей, бегущих на свиданье,
в кино, в больницу или в морг,
и ощутить, издав рыданье,
нечеловеческий восторг.

В бокале лёд прозрачный тает
и неба простыни чисты.
Богиня сна приобретает
антропоморфные черты.

Рок по-латыни значит *fatum*,
и тень твоя взошла на трон.
Мы исчерпали слово «атом»,
найдем другое — «электрон».

Да, речь напоминает роды.
За всё заплачено сполна.
Есть вещи двойственной природы:
свет — и частица, и волна.

Но Гелиос на колеснице
не хочет погонять коней,
и тень большой печальной птицы
скользит по выступам камней.

Созвездий небесное братство, причуда пустого ума,
зачем мне чужое богатство, высоких снегов закрома?
Ты, призрак, листвою шелестящий, когда-то являлся ко мне,
и шли мы по узкой, блестящей, по узкой, блестящей лыжне.
И смутно виднелся сквозь воздух огромного неба пустырь,
где строили умные звезды сияющий свой монастырь.
Но месяц, как некий игумен, не всякого брал в чернецы:
кто мёртв, кто женат, кто безумен, кто слову годится в отцы,
кто бродит по узкой дороге в короне из легких волос,
и звёздные копит ожоги обросший щетиной мороз.

Нам снится любовь для контраста, когда наступает зима.
От твёрдого белого наста любовники сходят с ума,
и плачет, к любви непригодный, под твёрдую коркою льда
беспомощный ангел подводный, с которым случилась беда.
Ты звёзды, как язвы, не спрячешь, и тело не скроешь в снегу,
я слышу, что ты ещё плачешь, но плакать сама не могу.
От ласки прощальной на коже останется влажный ожог,
и тихо ты скажешь: ну что же, забудем об этом, дружок.
Я знаю — всё будет иначе, я вижу сквозь некую щель,
что время заходит в плаче, ломая свою колыбель.

Рассеются детские страхи, и блажь ты забудешь, и ложь,
и в чистой просторной рубахе на лобное место взойдёшь.
Но смертнику жизни не хватит услышать, как ангел поёт,
и чистой монетою платит, и лёд, как железо, куёт.
И, жизнь вырубая под корень, на ухо тебе говорит,
что десять гранатовых зёрен даёт Персефоне Аид.
Что станет твоим оберегом, Деметры безумная дочь?
Россия засыпана снегом, там длится последняя ночь,
подобная снежной лавине, нагая, как смерть и любовь,
и месяц в её сердцевине похож на застывшую кровь.

В устье Нила зацветает лотос,
Начинает колокол звонить.
Клото прясть садится, а Атропос
Обрезает жизненную нить.

И видны душе свободной горы,
Люди, реки, жёлтые холмы...
Снадобье из яблок мандрагоры
В эту ночь варить не станем мы.

Потому что всё вокруг трепещет,
Слёзы ослепительные льёт,
Под луною странным блеском блещет
И хвалу Всевышнему поёт.

А душою брошенное тело —
Бедное усталое дитя —
Видит: солнце золотое село.
Дождь идёт, листвою шелестя.